

ИЗ ПРОШЛОГО ФИЛОСОФИИ

СЕЛЛИ ДЖЕМС¹

ПЕССИМИЗМ

История и критика

Санкт-Петербург, 1893

ГЛАВА I

ВВЕДЕНИЕ

Со словом *пессимизм* многие люди, быть может, даже большинство, не связывают вовсе никакого представления о философской доктрине или спекулятивной системе. Как обычное выражение в популярной литературе, оно, по-видимому, означает известный взгляд на вещи, известный склад ума, отличающийся особенными интеллектуальными склонностями. На обыденном языке пессимистом называется тот, кто постоянно преувеличивает дурные и мрачные стороны жизни, всегда готов утверждать, что столь восхваляемые блага жизни отравлены массой зла, и вечно повторять, что прогресс влечет за собой больше страданий, чем счастья. Людей с подобным складом ума можно встретить всюду, как в частной жизни, так и в высших сферах литературы и политики. Мы не считаем их приверженцами определенной школы, придерживающимися одних и тех же основных принципов, а скорее смотрим на них просто как на собрание людей с врожденной склонностью к мрачному взгляду на мир и явления жизни.

Однако наряду с этим многие начинают уже понимать, что пессимизм означает новейшее движение в области философского мышления, цельное мировоззрение, разделяемое, по крайней мере, на своей родине, обширной и

¹ Английский философ XIX века.

все более и более разрастающейся школой мыслителей. Внимание, которым пользуется в настоящее время в Германии великий основатель пессимизма Артур Шопенгауэр, благодаря, главным образом, трудам таких обстоятельных комментаторов, как Фрауэнштедт, и таких отчасти его последователей, отчасти самостоятельных мыслителей, как Гартман, возбудило некоторый интерес к его философии и в других странах. Поэтому-то всякий, желающий прослыть знатоком философского движения в Германии и не отставать от моды, толкует теперь с таинственным видом о Шопенгауэре и его пессимистическом учении. Вот этот-то современный философский пессимизм и составит главный предмет нашего настоящего исследования.

С первого взгляда может казаться, что два указанных вида пессимизма — пессимизм обыденный, инстинктивный и пессимизм философский, умозрительный — не имеют между собою ничего общего, и изучение первого не может пролить ни малейшего света на новейшее развитие последнего. Верно, конечно, что при исследовании и оценке современного немецкого пессимизма как философской теории существования следует придерживаться его собственных оснований и принимать или отвергать его, смотря по тому, представляет ли он с точки зрения логики стройную и последовательную философскую систему. Но, тем не менее, значение этой доктрины может быть вполне понято лишь при сопоставлении ее с философским пессимизмом. Философские системы не вырастают из одного только уединенного чистого мышления; они являются продуктом конкретного ума, неразрывно связанного с известным нравственным состоянием и эмоциями, которые придают особую форму и бесчисленные оттенки умственной работе человека. По крайней мере, можно уже а priori допустить, что философы-пессимисты разделяют до некоторой степени привычки, мысли и чувства, свойственные пессимистам более обыденного типа. Но этого мало. Известно, что философы эти вовсе не ограничиваются одними только умозрительными рассуждениями, какими бы они ни казались им незыблемыми, но, устанавливая основу своего учения, обращаются и к фактам действительной жизни. Шопенгауэр и Гартман, как мы убедимся позже, утверждают, что их взгляд на жизнь как неизменное состояние страдания обосновывается на

массе опытных данных и подтверждается индуктивными выводами. Таким образом, философский пессимизм, по видимому, весьма близко соприкасается с обыденным и не может быть вполне отделен от него. В самом деле, разве люди, придерживающиеся последнего, не настаивают также, с большей или меньшей ясностью, на преобладании в той или другой сфере жизни зла над добром, несчастья над счастьем? Ниже мы увидим, что как философы, так и обыкновенные люди, когда дело идет о реальных и повседневных фактах нашей земной юдоли, прибегают к очень сходным приемам аргументации и говорят почти одним и тем же языком.

Итак, кажется, достаточно ясно, что если мы хотим вполне понять современный философский пессимизм, то должны изучать его в связи с гораздо более древними пессимистическими верованиями, не вылившимися еще в определенную систему. Но нельзя ограничиться и этим. Происхождение и значение, как я называю, инстинктивной формы пессимизма не может быть выяснено отдельно от воззрений противоположного характера, т. е. оптимизма, который указывает и особенно подчеркивает приятное и утешительное в жизни как единственные явления, дающие правильное представление о действительности. Очевидно, что философский пессимизм по своему происхождению и форме своих доктрин связан также с соответствующим ему теоретическим оптимизмом. Поэтому, хотя специальный предмет нашего исследования составляет пессимизм, мы принуждены будем, однако, хотя бы отчасти коснуться и противоположной системы. Нам незначительно, конечно, подвергать исследованию разнообразные взгляды, существующие на этот счет, а достаточно рассмотреть только основной вопрос о ценности жизни и мира, который ставит и пытается решить по-своему каждая из оптимистических теорий.

Без сомнения, нам могут возразить, что, понимая под терминами «оптимизм» и «пессимизм» столь различные в каждом случае воззрения, мы тем самым лишаем их всякого определенного значения; тогда как эти латинские слова, хотя неправильно образованные, означают нечто вполне определенное, представляют сокращение совершенно точных предложений. Термин «оптимизм», по образу которого сложился и противоположный ему термин

«пессимизм», при первоначальном употреблении вполне соответствовал утверждению, что наш мир — наилучший из возможных миров. Зачем же расширять смысл этих слов, понимая под ними разные неясные, не поддающиеся исследованию и, строго говоря, вовсе не подходящие под них воззрения?

Очень просто, ответим мы: если термин «оптимизм» в прежнее время употреблялся в своем этимологическом значении, то противоположный термин никогда не представлял такой определенности. Правда, основатель философского пессимизма Шопенгауэр утверждает полусерьезно, что мир так скверен, как только может быть, в силу одного уже факта своего существования; но философский пессимизм по существу своему не идет так далеко; он только отрицает счастье или утверждает, что несчастье нераздельно с жизнью; нельзя сказать, чтобы слово *пессимизм* вполне соответствовало подобного рода доктрине. Этим замечанием я и ограничусь относительно употребления наших терминов в их этимологическом значении.

Во всяком случае, более широкое понимание указанных терминов (на чем настаиваем мы) находит себе полное оправдание уже в том факте, что к этому именно привел естественный процесс развития. Общеупотребительность известных терминов, хотя и ведет к затемнению их первоначального значения, служит вместе с тем достаточно ясным указанием на существование тесной связи между воззрениями различных оттенков. Народный ум инстинктивным чутьем сближает умозрение и вдохновение, подбирает философов и поэтов, классифицирует их в одну группу, и критик, как я уже заметил, может найти достаточно солидные основания, чтобы поддерживать подобную классификацию.

Таким образом, я буду употреблять термины «оптимизм» и «пессимизм» в их самом широком смысле. Всякую теорию, открыто признающую определенную ценность за миром и человеческой жизнью, представляя последнюю как благо, как нечто прекрасное или приятное, мы будем считать оптимистической, невзирая на то, носит ли она умозрительный характер или нет, а также на то, какие основания могут быть приведены в пользу признания за жизнью такой ценности. Точно так же под словом *пессимизм* мы будем понимать всякое умозрительное или

обыденное учение, категорически отрицающее ценность жизни и представляющее последнюю, как нечто недостойное, ненасытное, жалкое.

Мы увидим, что как пессимизм, так и оптимизм обнимают воззрения, хотя в сущности и сходные по своему психологическому происхождению, но отличающиеся по своему содержанию, по предмету, который имеется в виду. Так, пессимист может осуждать мир в его целом за отсутствие в нем порядка и считать его источником зла; или же избрать предметом своего осуждения человеческую природу, рассматривая ее с точки зрения нравственности и эстетики; или, наконец, его пессимизм может вылиться в форме учения о тщете всех человеческих усилий и неспособности человека к умственному, нравственному и остальному прогрессу. Так же точно и оптимизм. В дальнейшем изложении мы укажем различные оттенки этих воззрений.

Против подобного плана исследования могут возразить, что он не оставляет никакого места для промежуточных учений, т. е. для таких воззрений на жизнь, которые не примыкают ни к одному из этих двух крайних полюсов. Поэтому, да позволено мне будет заявить здесь раз и навсегда, что я не только считаю возможным такие взгляды, но и утверждаю, что только в них следует искать справедливого и правильного понимания жизни. Но подробно об этом я буду говорить в своем месте. Обозревая историю оптимизма и пессимизма, мы постараемся, насколько возможно, сгруппировать различные учения о жизни согласно их общему характеру, жизнерадостному или безотрадному, исполненному надежды или безнадежному. Вместе с тем мы коснемся и учений по преимуществу отрицательного, критического характера, выступающих с принципиальным протестом против некоторых крайних форм оптимизма и пессимизма. Подобные учения, само собой разумеется, не могут быть всякий раз относимы к группе, противоположной той, против которой они направлены.

Теперь, полагаем, план наших исследований достаточно ясен для читателя. Пусть он не забывает, что современный пессимизм, составляющий специальный предмет предлагаемой книги, может быть понят только при помощи других форм пессимизма; а эти последние должны быть, в свою очередь, излагаемы в связи с соответствующими

щими им формами оптимизма. Таким образом, правильное всего будет начать наше исследование с исторического обзора оптимизма и пессимизма, как инстинктивного, так и умозрительного. Покончив с историей современного пессимизма, мы приступим к изложению и исследованию его основных идей. При критической оценке его научного и философского значения я остановлюсь на некоторых существеннейших, наиболее типичных особенностях самой идеи и метода. Выяснив до известной степени значение пессимизма как философской системы, нам необходимо будет затем исследовать, в какой мере главный вопрос, поставленный пессимизмом, именно вопрос о ценности жизни, поддается определенному решению. Наконец, мы постараемся указать психологические основы оптимизма и пессимизма и объяснить при помощи этого анализа и некоторых социальных и индивидуальных фактов видимую жизненность немецкого пессимизма.

ГЛАВА II

НЕПОСРЕДСТВЕННЫЙ ОПТИМИЗМ И ПЕССИМИЗМ

Разнообразные формы инстинктивного оптимизма и пессимизма, краткому историческому обзору которых мы посвящаем настоящую главу, зависят всецело от предмета, составляющего их содержание. Импульс, побуждающий человека обратиться к тому или другому верованию, всегда один и тот же, но внимание его останавливается то на одном, то на другом предмете. Человеческая жизнь складывается из множества различных частных и поворачивается к человеку разными сторонами; каждая из них может служить предметом утешительного или безотрадного воззрения. Затем разница в умственном развитии также влияет на широту воззрений. Отсюда разнообразие форм этих непосредственных верований.

Прежде всего нерассуждающий оптимист или пессимист может обратить свое внимание или исключительно на собственные интересы, или на интересы той группы людей, с которыми он ближе соприкасается, или, нако-

нец, на интересы всего человеческого рода. Таким образом, получают различные формы, так сказать, личного, частного и всеобщего оптимизма или пессимизма. Например, человек может составить себе утешительное представление о своем собственном индивидуальном существовании или о судьбе своей нации, или пойти еще дальше и перенести свой жизнерадостный взгляд на все человечество.

Затем жизнь человеческая слагается из фактов совершенно различного порядка и значения. Мы можем избрать какую-нибудь отдельную сферу ее, например, политические и социальные стремления, и сделать их предметом блаженных надежд или мрачного отчаяния; в таком случае мы были бы оптимистами или пессимистами в том смысле, как эти термины понимаются на обычном языке современной журналистики. Или мы можем обнять в своем представлении всю жизнь в ее целом и судить о ней с разных точек зрения. Так, рассматривая человеческую природу как предмет, подлежащий нравственной и эстетической оценке, мы можем прийти к благоприятному и лестному взгляду на нравственное достоинство и значение человека или же принизить и осудить ее. Далее, мы можем обратить свое внимание не на самую собственно жизнь, а на ее внешние условия, на источники благ, сокрытых в природе, и при этом или приписывать природе красоту и славу, видеть в ней благодатную мать, или же, наоборот, находить, что она несовершенна, негармонична, безобразна, что она — жестокое и враждебное существо. Наконец, предметом нашей оценки может быть сама жизнь, состоящая из радостей и печалей, удовольствий и страданий.

Бросим теперь беглый взгляд на историю непосредственного оптимизма и пессимизма в их различных формах.

С точки зрения так называемого здравого смысла, обычного здорового понимания вещей, всякие вопросы относительно ценности человеческой жизни представляются, без всякого сомнения, совершенно ненужными и даже смешными. Масса людей преследует свои разнообразные цели как нечто само собою разумеющееся и никогда не возбуждает вопроса о том, будет ли в конце концов вознагражден весь потраченный труд. Дитя, заглядывая в свое отдаленное будущее, видит в нем одни только

новые и притом еще более сильные наслаждения и побуждения к деятельности. Вечно занятый человек протягивает каждый день свою нетерпеливую руку, чтобы завладеть каким-нибудь новым предметом или выполнить новое предприятие, и внутренняя жизнь его настолько полна, что в ней нет места для вопроса: «Какую же цену имеет все это?» При таких условиях люди не бывают собственнико-оптимистами, ни пессимистами. Они никогда не испытывают потребности размышлять о смысле жизни. Однако мы можем считать их бессознательными или практическими оптимистами, так как они действуют, как бы веруя в благость жизни.

Но такой период бессознательности не может длиться постоянно. У самых занятых людей бывают перерывы в работе; нетерпеливому ребенку приходится скоро переживать минуты, когда удовольствие, так настойчиво им преследуемое, отдалается на время и становится объектом для размышлений. Самый простой пример подобного состояния представляет случай, когда двигающий импульс задерживается и превращается в спокойное предчувствие: желаемый предмет светится вдали, привлекая к себе страстные взоры, чувство инстинктивной деятельности начинает сознавать себя в форме, так сказать, уверенности в достижении желаемого блага. Мир представляется тогда прекрасным и полным изобилия, и сердце наслаждается, будучи уверенным в неиссякаемых источниках радостей. Это состояние можно назвать зарождающейся фазой сознательного оптимизма. Ум не противопоставляет еще ясно, как резкую антитезу, радостей жизни ее печалям. Он не заботится еще о том, чтобы измерить в точности силу света и тепла, получаемых от золотых лучей счастья. Он уверен только, что земля изобилует источниками наслаждения, что красота и любовь наполняют светом и теплом окружающую его атмосферу. Но очень немногим выпадает на долю счастье сохранить в целости такую наивную веру. Неожиданное страдание, возможность которого не подозревалась ранее, чувство утомления в этой погоне за удовольствием, жестокое разочарование вскоре одним грубым ударом нарушают счастье мечтателя и дают ему почувствовать дисгармонию, внесенную в жизнь злом. Таким-то образом возникает рефлексия и начинает складываться первая смутная оценка жизни. Если же при этом вообра-

жением овладевают всецело мрачные факты, то мы получим нечто вроде сознательного пессимизма в его зачаточной форме. Другими словами, в этом случае ум человеческий смотрит на всю совокупность жизни из глубины того мрака, в который повергли его печальные образы несчастья. Таким образом, первое, еще грубое раздумье о мире вызывается тяжелым ударом, нанесенным инстинктивной надежде, а не просто ее непомерностью и пресыщением, как бывает в других случаях.

Такие грубые формы оптимизма и пессимизма весьма часто встречаются в жизни. Когда человеком овладевает какое-нибудь новое радостное чувство, например, разделенная любовь, он инстинктивно представляет себе мир прекрасным и любвеобильным. И, напротив, когда огорчения окружают его печальными тенями, он расположен видеть все в ложном и неприязненном свете. В литературе мы находим то же самое: здесь также часто встречаются первые, еще не вполне оформленные проявления оптимистического и пессимистического настроения. С какой силой, например, сказывается то или другое настроение в невольных восклицаниях, составляющих характерную черту псалмов. То в них слышится ликующая хвала: «Благость Господня наполняет землю», «Небеса да возвеселятся и земля да возрадуется»... То отчаяние и грусть: «Человек — суета, и жизнь его — призрак», «Доколе же будут торжествовать неправедные?» Драматическим писателям также часто приходится представлять эти противоположные состояния человеческого духа под влиянием двух только что описанных нами настроений. У греческих трагиков счастливая развязка вызывает со стороны героя или хора восклицания оптимистического характера о справедливости богов и неизменном торжестве добра над злом. Поразительную противоположность им, как следствие настоящего несчастья, представляют размышления Гамлета о злополучии жизни: «Ибо кто захотел бы переносить удары хлыста и насмешки судьбы, несправедливость притеснителя и презрение гордеца» и т. д.

Итак, таковы первые смутные выражения противоположных склонностей человеческого духа к оптимизму и пессимизму. Но мнения, таким образом возникающие, представляют плод самого узкого и рабского мышления. Более близкое знакомство с жизнью скоро разоблачает

перед человеком смешанный и пестрый характер ее явлений. Всякое размышление, достойное этого имени, должно признать два противоположных элемента, свет и тени, составляющие в своей совокупности жизнь. Однако оказывается, что даже после того, как люди научились понимать эту двойственную природу жизни, их размышление продолжает все-таки двигаться по направлению к одному из двух противоположных полюсов. Конечно, жизнь уже не может быть в их глазах олицетворением полного блаженства или безысходного несчастья; но тогда возникает вопрос об относительном количестве того и другого, пропорции, хотя вначале и несколько смутно. Человек, склонный к оптимизму, не говорит прямо, что добро торжествует над злом; он настаивает только на существовании добра, выставляет его на вид, преувеличивает его, а к злу относится, как к чему-то случайному и второстепенному. Точно так же поступает и придерживающийся противоположного взгляда: он смотрит на зло, как на единственный действительный факт; добро же в его глазах является лишь случайным и малозначащим элементом жизни.

Подобные примеры мы можем опять-таки найти в поэзии. Все поэты воспевают горести и радости жизни; но одни из них останавливаются преимущественно на первых, другие — на вторых. Нетрудно указать писателей, которые, признавая вполне двойственный характер жизни, подчеркивают одну ее сторону сильнее, чем другую. В английской литературе примером тому могут служить Байрон и Китс.

По мере того как понимание мира становится яснее и шире, все более и более возрастает и противоположность между оптимизмом и пессимизмом. Мир не представляется уже более как нечто исключительно для единоличного человеческого «я», а, напротив, как местопребывание и удел всех братьев — людей. Предметом оценки является теперь уже не личный опыт одного человека, а коллективный опыт всех людей; смотря по господствующим наклонностям, влияющим на характер этой оценки, возникают новые, более широкие формы оптимизма или пессимизма. Одни видят теперь в человеке существо, в общем, счастливое: ему приходится, конечно, считаться с препятствиями и огорчениями, но вместе с тем к его

услугам имеются неисчерпаемые источники самоутешения и радости. Другие же рисуют его как детище несчастья и скорби, на которое радость нисходит только в редкие минуты и обычный удел которого есть страдание. Но ни те, ни другие не заботятся еще о тщательном изучении и сопоставлении фактов из человеческой жизни, чтобы таким образом получить приблизительно верные выводы. Мысль все еще остается произвольной, недисциплинированной, ненаучной.